
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 97—113.

Woman in Russian Society. 2023. No. 3. P. 97—113.

Научная статья

УДК 94:394(47+571.14)"1957/1991"

DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.8

ЖЕНЩИНЫ И НАУКА: ПОВСЕДНЕВНАЯ НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМГОРОДКА 1960-х гг. В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ

Галина Михайловна Запорожченко

Сибирское отделение, Российская академия наук,
г. Новосибирск, Россия, galinakoop@yandex.ru

Аннотация. На основе эго-документов женщин-ученых «первого призыва» Новосибирского научного центра Сибирского отделения АН СССР / РАН исследуется гендерная нормативность сформировавшихся в новосибирском Академгородке 1960-х гг. традиций научного труда. Рассматриваются взгляды женщин на занятия наукой, мотивы переезда на работу в Сибирь, влияние модуса научной повседневности нового наукограда на реализацию женщинами своего интеллектуального потенциала. Мемуарные и эпистолярные свидетельства сибирских «академин» репрезентируют их страстную увлеченность наукой, чрезвычайную перегруженность научно-организационной работой, действенный нонконформизм в научных исследованиях и социальной практике. Очевидно, что утверждение женщин в «мужском» мире науки происходило по линии усвоения маскулинного ролевого поведения. Яркие научные карьеры первых сибирских «академин» манифестировали известное сглаживание гендерной асимметрии в поле науки, что являлось зримым антропологическим и социальным последствием модернизационного проекта создания Сибирского отделения Академии наук.

Ключевые слова: гендерная история, эго-документы, академическая повседневность, новосибирский Академгородок, Сибирское отделение Российской академии наук, СССР в 1960-х гг.

Для цитирования: Запорожченко Г. М. Женщины и наука: повседневная научная жизнь новосибирского Академгородка 1960-х гг. в эго-документах женщин-ученых // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 97—113.

Original article

**WOMEN AND SCIENCE: EVERYDAY SCIENTIFIC LIFE
OF THE NOVOSIBIRSK AKADEMGORODOK IN THE 1960s
IN THE EGO-DOCUMENTS OF WOMEN SCIENTISTS**

Galina M. Zaporozhchenko

Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, galinakoop@yandex.ru

Abstract. In the context of the socio-political processes of the Khrushchev decade, based on the methods of gender history, the history of everyday life, the anthropology of academic life, the paradigm of memory, the author examines the influence of the mode of everyday life of Novosibirsk Akademgorodok in the 1960s on the realization of their intellectual potential by women scientists. Based on ego-documents (memoirs, letters, autobiographies, including those introduced into scientific circulation for the first time) of women scientists of the “first draft” of the Novosibirsk Scientific Center of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences / RAS — P. Ya. Kochina, R. L. Berg, T. I. Zaslavskaya, N. A. Pritvits, A. A. Titlyanova, L. P. Yakimova, M. I. Cheremisina, — the author studies the gender normativity of the traditions of scientific work in Akademgorodok. The motives of moving to Siberia to do research, the views of women on science, the characteristic features of the scientific ethos of Akademgorodok are considered. Memoirs and epistolary testimonies of Siberian academicians represent their passion for science, extreme overload of scientific and organizational work, effective non-conformism in scientific research and social practice. It is obvious that their assertion in the “male” world of science took place along the line of assimilation of masculine role-playing behavior, and in some personal stories they were subjected to ideological pressure. In general, the first Siberian academicians built a scientific career in a favorable environment of household improvement and productive interdisciplinary communication in Akademgorodok in the 1960s, which manifested the well-known smoothing of gender asymmetry in the field of science and was a visible anthropological consequence of the modernization project of the creation of the Siberian Branch of the Academy of Sciences.

Key words: gender history, ego-documents, academic daily life, Novosibirsk Akademgorodok, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, USSR in the 1960s

For citation: Zaporozhchenko, G. M. (2023) Zhenshchiny i nauka: povsednevnaia nauchnaia zhizn' novosibirskogo Akademgorodka 1960-kh godov v ego-dokumentakh zhenshchin-uchënykh [Women and science: everyday scientific life of the Novosibirsk Akademgorodok in the 1960s in the ego-documents of women scientists], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 97—113.

Введение

Настоящая статья продолжает научно-исследовательский проект «Сибирские академины», направленный на создание цельного образа женщины с ведущей интеллектуальной составляющей [Запорожченко, Шелегина, 2019]. Цель исследования состоит в выявлении особенностей включения женщин в институциональное поле науки. Объект изучения — жизнедеятельность известных

женщин-ученых, входивших в высококвалифицированную кадровую элиту Сибирского отделения АН СССР / РАН. Предмет — влияние модуса повседневности в Академгородке Новосибирского научного центра (ННЦ) Сибирского отделения АН СССР на реализацию женщинами-учеными своего интеллектуального потенциала в хрущевское «славное десятилетие».

Исторический контекст темы представлен в работах Е. Т. Артемова, Е. Г. Водичева, И. С. Кузнецова, Н. А. Куперштох, П. Джозефсона, М. А. Поповского, А. А. Гордиенко и других, в коллективных обобщающих трудах по истории СО РАН. Стремление «концентрировать мозги» и тем самым ускорять науку прослеживалось еще со сталинских времен и оставалось составной частью научно-технической политики СССР в период хрущевского десятилетия [Водичев, 2021: 135]. В специфических условиях «оттепели» реализация восточного вектора развития науки в СССР и его инновационного содержания базировалась на элементах мобилизационной системы и стратификации общества по внеэкономическим основаниям. Кадровый состав Сибирского отделения АН СССР получил приращение за счет мощного «научного десанта» из столичных институтов. Академгородок ННЦ как прорывную точку развития науки власть, управляющая «раздаточной» экономикой, напитывала благами, распределяемыми в соответствии с рангами (прописка, занятие, должность, звание) [Водичев, 2022: 69]. В связи с этим актуально изучение социокультурного опыта воплощения эффективных систем, интегрирующих научно-технологические позиции и человеческий фактор [Кузнецов, 2014: 137].

Данная перспектива вводит в круг глобальных проблем модернизации и формирования постиндустриальных отношений в «бурные шестидесятые» XX в., когда отчетливо проявился переход к институционально-личностной модернизации (непосредственное участие человека в преобразованиях, возможность вырабатывать и применять свои знания, принимать решения на личностном уровне), которая метафизически обосновывала биографические смыслы граждан [Согомонов, 2010: 274]. Наиболее полноценно спонтанные институционально-личностные преобразования реализовывались при создании научных центров в восточных районах страны, и прежде всего в Новосибирске [Гордиенко, 2014: 187—273]. При этом государство не допускало мысли о превалировании индивидуализма и автономии личности над коллективизмом холистского толка, в том числе в рядах научной элиты [Туркина, 2020: 110].

Релевантной методологической стратегией полифокусного рассмотрения темы является синтез гендерной истории, истории повседневности, антропологии академической жизни, парадигмы памяти, знаменующих сдвиг от генерализующего формационного метанарратива в сторону цивилизационного и социокультурного в стремлении поставить в центр работы историка *человека* и его непосредственный *опыт* в историческом процессе [Шутова, 2007: 76].

Общеизвестно, что вовлечение женщин в науку ознаменовалось появлением терминов «женская обслуживающая наука», «стеклянный потолок», «эффект Матильды», отражающих асимметрию советской культурной матрицы, воспроизводящей гендерную стратификацию общества. В то же время «тотальная андрогиния» первых десятилетий советского тоталитаризма в начале 1960-х гг. сменялась «женским возрождением», связанным с ростом политического

участия женщин, осмыслением социокультурных ролей полов, включением женщин в орбиту философской мысли [Пушкарева, 2011: 9; Шутова, 2007: 71]. Гендерный подход нацеливает на индивидуализацию тем исторического исследования, проявляя антропологическую заинтересованность в повседневной истории женщин.

Введенное в научный оборот Ф. Броделем понятие «структуры повседневности» помогает в многомерной матричной структуре обыденной жизни вычленивать для анализа сферу работы, а также связанные с ней условия быта и межличностные отношения. Данная область повседневного сегодня с учетом субкультуры профессий выступает предметом исследования новой дисциплины — антропологии академической жизни. Антропологическое «фотоувеличение» различных аспектов повседневной жизни академического сообщества (соционормативная культура, ритуалы, символы, модели поведения) обнаруживает в ученом прежде всего человека, практикующего науку как способ жизни [Антропология... , 2013: 5].

Эвристическую ценность для понимания развития науки с точки зрения человеческого полюса имеет обращение к социальной памяти. Опираясь на опыт женской меморизации, Н. Л. Пушкарева предложила рассматривать новосибирский Академгородок в период политической оттепели как «особую форму жизни». При этом закономерно в фокус внимания были выдвинуты вопросы о том, была ли для самих женщин научная карьера самоцелью, насколько было возможно преодоление «стеклянного потолка», насколько обстановка исключительной бытовой устроенности и отсутствия в новом центре науки формальных гендерных ограничений способствовала профессиональной самореализации женщин [Пушкарева, Жидченко, 2022: 594, 606].

В данных историографических обстоятельствах целесообразно на основе эго-документов первых сибирских «академин» раскрыть представления женщин о научной карьере, месте науки в их жизни, определить гендерную нормативность сформировавшихся в начальный период истории ННЦ традиций научного труда. В качестве основных источников выбраны эго-документы (мемуары, письма, автобиографии) известных ученых «первого призыва» — П. Я. Кочиной, Р. Л. Берг, Т. И. Заславской, Н. А. Притвиц, А. А. Титляновой, Л. П. Якимовой, М. И. Черемисиной, ценные присущим им сочетанием рациональной и эмоциональной рефлексивности в описании повседневной научной жизни.

Мотивы переезда в Сибирь

Перспектива работы в новом научном городке была воспринята женщинами-учеными с энтузиазмом. По словам сотрудника аппарата Президиума СО РАН В. Д. Ермикова, люди, ехавшие в Сибирь, «не были корыстными — зарплата была такой же, как в Москве. Они везли сюда дух истинной науки, свободу мысли и творчества» [«И забыть...», 2007: 23]. Экономист Татьяна Ивановна Заславская свое «поворотное» сибирское 12-летие (1963—1974 гг.) назвала результатом «неосознанного восстания против устоявшегося и предопределенного на долгие годы порядка, стремления круто изменить жизнь, начать все с начала» [Заславская, 2007б: 757]. При этом пришлось сломить сопротивление мужа, который на приглашение переехать на три года с сохранением московской

жилплощади и прописки, сделанное его жене, категорически отвечал: «Ни в коем случае! Безумие» [там же: 471].

Раиса Львовна Берг, «совершенно ренессансный человек», дочь знаменитого академика Л. С. Берга, выдающийся генетик и эрудит, приехала по приглашению Д. К. Беляева из Ленинграда возрождать генетику. Биолог Аргента Антониновна Титлянова, не имея приглашения, опиралась на знакомство с А. А. Ляпуновым по атомному проекту в Миассе. Она надеялась, что «в университете сможет заниматься наукой и перейдет, наконец, из лаборатории в поле» [Титлянова, 2009]. Филолог Людмила Павловна Якимова в Академгородок приехала подчиняясь обстоятельствам, сложившимся в жизни мужа, но быть просто женой не значилось в ее планах — в занятиях наукой «виделось не средство заработка, а судьба, предназначение» [Якимова, 2017]. Ученый-гидродинамик Пелагея Яковлевна Кочина раздумывала, стоит ли расставаться с дочерьми и внуками ради проживания одной в Сибири. Дочь спрятала документы, но подруга сказала: «Так вы что же, всю жизнь собираетесь быть бабушкой? Поезжайте в Сибирь!» [Кочина, 1974: 164]. Наталья Алексеевна Притвиц с красным дипломом Московского инженерно-строительного института и светлой «технической» головой приехала полная молодого научного воодушевления: «Какие мы лопухи, что до сих пор сидели в Москве» [«И забыть...», 2007: 25]. «Сюда едут те, кто хотят что-то делать, знают, чего хотят», — писала Майя Ивановна Черемисина (Z2 576_152)*.

Академгородок 1960-х гг. характеризуется в эго-документах как «уникальный», «очень молодой», «чарующий», «научное чудо», «идеальное место». Все здесь «не провинциальное, не московское, а совершенно особенное» (Z2 576_151). «По комфорту другие научные городки (под Марселем, Парижем, Токио), — писала О. Н. Марчук, — возможно, превосходили новосибирский Академгородок. И все-таки не было в них того, что было в нашем Городке, а именно той особой, творческой атмосферы, единения ученых разных институтов в одно целое, единый организм» [Марчук, 1997: 5].

Т. И. Заславская отмечала, что после переезда в 1963 г. в Академгородок условия жизни кардинально улучшились, семья шагнула на более высокую ступень благосостояния, разрешился квартирный вопрос, бесперспективный в Москве. Но главный бич московской жизни виделся не столько в тесноте, сколько в практической невозможности вести научную работу в том объеме и в том направлении, в каком она считала необходимым. В ННЦ увлекала «перспектива включения в творческий коллектив, возглавляемый сильным, широко мыслящим лидером, сложность и амбициозность выдвигаемых им научных задач» [Заславская, 2007б: 472, 500].

Позже, в Москве, потеряв новосибирский коллектив, она «ощущала непривычное одиночество» («как отцепленный вагон»), остро не хватало «обратной связи», обсуждений с коллегами-социологами [там же: 720]. «Все глубже

* Здесь и далее ссылки на материалы электронного ресурса: Открытый архив СО РАН. Фонд Т. И. Заславской — М. И. Черемисиной. Разд.: Семейная переписка, Переписка с друзьями и коллегами. URL: http://odasib.ru/openarchive/Portrait.cshtml?id=Xc_furs_634919475472910156_2069 (дата обращения: 25.03.2023) — приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием шифра конкретного документа.

я убеждаюсь в том, что в наше время нельзя уже работать в одиночку, нужны сильные работоспособные коллективы, иначе ничего не сделаешь. И здесь есть такой коллектив», — писала Т. И. Заславская, высоко ценя как руководителя А. Г. Аганбегяна за новаторское применение математических методов в экономике; умение распределить работу между исследователями таким образом, чтобы каждый мог максимально раскрыться; стремление сделать всех сотрудников англоговорящими для развития связей с зарубежной наукой, которые в Академгородке оказались более доступными, чем в Москве [там же: 477—480, 496]. В этом смысле, подчеркивая значимость научно-организационной матрицы, М. И. Черемисина любила говорить: «Профессор — это не человек, профессор — это учреждение!» (цит. по: [Цейтлин, 2004: 3]).

В отличие от столичных центров науки с точки зрения создания условий для работы новый научный локус оправдывал свое прозвище Академдеревня. Тесный круг общения и деловые отношения неизбежно переходили в разряд знакомства, дружбы, семейственности. По мнению Л. П. Якимовой, духовная атмосфера Академгородка с ее нацеленностью на большие начинания, ориентированная на молодость и интеллект, способствовала разжиганию азарта, соревновательных и конкурентных отношений [Якимова, 2017]. Т. И. Заславскую очаровало легкое взаимопонимание людей близкого склада ума и взглядов, их простота, невзирая на гениальность, обращение друг к другу просто по имени (Z1 553_191). Локальная сконцентрированность и демократизм способствовали научному общению, дискуссиям, бурному развитию новых направлений. Так, Л. П. Якимова уверена, что успеху «Очерков русской литературы Сибири» (1969 г.) способствовала междисциплинарность созданного в 1966 г. комплексного Института истории, филологии и философии СО АН СССР и масштабность личности его директора академика А. П. Окладникова: «Работа в контакте с историками, лингвистами, фольклористами, этнографами, философами была очень полезной, заставляла мыслить шире и разностороннее» [Якимова, 2017].

В период «оттепели» в СССР началось быстрое развитие многих запрещенных, забытых и новых наук. Т. И. Заславская приветствовала едва начавшую возрождаться социологию [Заславская, 2007б: 480]. «Чудом» и ярчайшим показателем «оттепели» называла Р. Л. Берг создание в ННЦ Института цитологии и генетики. Открытое в Академгородке в 1966 г. уникальное НПО «Факел» финансировало оплату поисковых тем, в том числе одним из первых объектов спонсорства стали опыты Р. Л. Берг в области популяционной генетики: «Я наотрез отказалась от оплаты моего труда. С бесконечной благодарностью и со страхом за судьбу моих благодетелей я приняла скромные деньги на оплату врачей, поставляющих материалы». Эти материалы были необходимы для изучения изменения частоты возникновения мутаций у человека [Берг, 2003: 253].

Гораздо более гибким в новом наукограде был подход к трудовой дисциплине. В Москве в Институте аграрных проблем АН СССР Т. И. Заславская застала еще «сталинскую» дисциплину (рабочий день с 10 часов до 18.30, малейшее опоздание влекло неприятности, питье чая строго запрещено, умственная усталость начинала особенно сильно сказываться через час после обеда) [Заславская, 2007б: 369]. В СО АН ее пригласили на «льготных условиях» с возможностью работать дома в расчете на защиту в течение года докторской

диссертации (Z3 711_178). Для научных сотрудников присутствие с девяти до пяти было, как правило, обязательным, особенно когда ждали проверочную комиссию из обкома. Именно на женщин это сидение на рабочем месте действовало угнетающе: «...шум, и работа не очень идет, и устаешь сильно. Приходишь домой — и дом не досмотрен, не уютен» (Z2 556_053). «Работа моя настоящая дома, а дни в институте, по существу, потерянные», — констатировала М. И. Черемисина (Z2 557_002). Неслучайно Н. А. Притвиц воспринимала табельный учет «как моральное оскорбление и пережиток гнилого прошлого» [«И забыть...», 2007: 25]. В целом ученый народ находил способ «комфортного приспособления к обязательному восьмичасовому рабочему дню, не истязая себя многочасовым сидением за рабочим столом»: вовремя придя на работу и отметив свое присутствие, заваривали чай, раскладывали домашние припасы, щедро потчуют друг друга, обменивались новостями; для душевной беседы удобным местом был длинный коридор [Якимова, 2017]. В конечном счете в вопросе о трудовой дисциплине все сводилось к личному фактору, условия оказывались равно благоприятными и для честного труженика, и для симулянта.

Отношение женщин к научному труду

Тем более обращают на себя внимание мемуарные и эпистолярные свидетельства о глубокой и неформальной приверженности научной работе. «Работали как звери», — писала Н. А. Притвиц [«И забыть...», 2007: 32]. «Народ трудится не покладая рук, и обстановка, в общем, этому благоприятствует» (Z1 553_183). Особенно напряженным был период написания диссертаций, когда «уставали до полусмерти» от этого «каторжного труда» (там же). М. И. Черемисина приводит потрясающие воображение примеры своей производительности: «11 часов “чистой” работы»; «За этот месяц я написала 445 страниц. Это невероятное напряжение... Просто падаешь с ног и заснуть не можешь от перенапряжения и переутомления» (Z2 557_052); «Я много сделала сверх плана» (Z2 556_196); «Работаю очень много. За это лето написала гору статей, 8 штук. Мне кажется, я никогда не выйду из этого штопора» (Z2 557_150). Т. И. Заславская считала, что «наука движется вперед только за счет труда, расходуемого сверх нормы»: «Нормальные затраты труда позволяют только не отставать» [Заславская, 2007б: 537].

Особенно эмоционально в эго-документах звучат признания в преданности науке, увлеченности своим делом, исследованиями, поиском. Работа — «это самое главное» (Z3 596_101), «отдушина, радость и спасение» [Черемисина, 2020: 406]. Р. Л. Берг в период господства лысенковщины подолгу работала «без ставки, из любви к искусству», в сибирский период каждый день трудилась в институте даже во время отпуска. Для нее работа «имела цель в самой себе» [Берг, 2003: 240, 277]. Т. И. Заславская писала: «Не помню у себя такого бешеного “запоя”. Я эту работу смакую, наслаждаюсь, и мне все мало... Интересно настолько, что дух захватывает, и не можешь оторваться, как от магнита... В этой работе — по-видимому, сама моя жизнь!.. Приходится работать на износ... Но мне нравится так работать, мне весело... Мода, танцы, ночные клубы, аристократические собрания, спорт, высокое искусство и многое другое не для меня. Бог создал меня для науки. Сознать свое предназначение и иметь возможность осуществлять его — это ли не счастье?» [Заславская, 2007б: 501, 701, 725].

В Академгородке, по словам Т. И. Заславской, «было намного меньше дерготни, шумихи, идеологического контроля и можно было продуктивно работать», «новосибирцам дышалось легче, чем москвичам, постоянно находившимся под бдительным оком партийного руководства» [Заславская, 2007б: 562; 2007а: 574, 581]. В отличие от обязательных идеологических семинаров были знамениты плодотворные научные семинары А. А. Ляпунова, Н. Н. Яненко, большой круглый стол в Институте ядерной физики и др. П. Я. Кочина возглавляла Комитет по проведению Всесибирских физико-математических олимпиад. В Институте цитологии и генетики Р. Л. Берг, не желая «попусту тратить время на семинары по марксизму-ленинизму», инициировала свой постоянно действовавший семинар по генетике [Берг, 2003: 337]. В Новосибирском государственном университете «искусствоведческую секцию» о мире западноевропейской культуры вела медиевист Н. В. Ревякина [ГУМФАКиЯ... , 2022: 257]. Популярными были «домашние» встречи со студентами и аспирантами женщин-гуманитариев М. М. Громько, М. И. Черемисиной: «Мая Ивановна пекла вкуснейшие лепешки, заваривался чай, и все научное собрание получало дополнительный импульс — возникало чувство команды и коллектива» [Горелова, 2019: 16]. Чувство «черемисинского братства» [Прияткина, 2004: 3].

Представление о сформировавшемся в новом наукограде научном этосе дают рассказы о семинарах, которые «проходили очень живо, интересно, с горячими спорами и дискуссиями» (Z1 553_031), с большим оживленным обсуждением, когда многие выступали по нескольку раз и часть повестки приходилось переносить на завтра (Z2 557_046). Характерной чертой научной жизни являлся искренний энтузиазм: «Мы “нелегально” на Гумфаке провели три прекрасные всесоюзные конференции — в 1967, 1969 и 1972 годах. У нас перебывали все ведущие лингвисты Москвы, Ленинграда, Киева, Свердловска. Но потом нас “поймали”, ввели дело в законные рамки, и, конечно же, дело засохло» [Черемисина, 2020: 415].

Т. И. Заславская не обладала сама «искусством нагонять публикации» и порицала его в других [Заславская, 2007б: 494]. Установка была «на объективность и политическую неангажированность исследований, укрепление морально-этических установок коллектива, не принимавшего научной халтуры, не говоря о подлоге и приспособленчестве» [Заславская, 2007а: 575]. Л. П. Якимову возмущали факты плагиата, безоговорочной преданности воле начальства, протаскивания в журналы публикаций «нужных» людей, «неискоренимого в России фаворитизма, фамусовского радения родному человеку, что в локализованном пространстве академического центра было особенно заметно» [Якимова, 2017]. Студентам, опасливо интересовавшимся официальным мнением по поводу генетики, Р. Л. Берг разъясняла, что в науке важно не официальное мнение, а квалифицированная экспертиза [Берг, 2003: 242, 269].

Негативные черты академического быта обнаруживались в нарастании формализма, объемов околонучной работы, не дававших возможности сосредоточиться на главном. М. И. Черемисина сетовала, что даже во время отпуска «редкий день не вызывают куда-то на очередное заседание, в подавляющем большинстве неприятное» (Z1 544_047); что не хватает свободного времени «для отдыха, культурной жизни, для мыслей» (Z2 557_057). Т. И. Заславская ругала «все разъедающий формализм» партийных собраний, когда «места в зале

начинают захватывать сзади и занимаются разговорами, чтением, игрой в морской бой»: «Зачем же такая колоссальная, безжалостная трата свободного времени?» (Z1 553_189). «Организационные дела отрывают от “материнской груди” науки, задыхаюсь от несделанного, давящего грузом необходимости», — писала она [Заславская, 2007б: 652].

По этой причине, полагала М. И. Черемисина, «серьезные творческие женщины еще неохотнее соглашаются братья за руководящие должности, чем мужчины» (Z2 556_196), а Р. Л. Берг считала, что «высокий пост с ученостью ничего общего не имеет и даже ей антагонистичен» [Берг, 2003: 196]. Тем не менее П. Я. Кочина возглавляла Комиссию СО АН СССР по проблеме орошения и обводнения Кулундинской степи и кафедру в НГУ, Л. П. Якимова почти два десятилетия возглавляла профсоюз. Она и Е. И. Убрятова были единственными женщинами среди членов ученого совета Института истории, филологии и философии, Т. И. Заславская «добросовестно тянула работу» заместителя секретаря партбюро института и руководила отделом, А. А. Титлянова и Р. Л. Берг — лабораториями, М. И. Черемисина — кафедрой, они также были членами ученых советов.

По наблюдениям Л. П. Якимовой, в Академгородке, как в социальном проекте, соединившем науку и образование, ведущие сотрудники НИИ работали по совместительству в НГУ и обладали безграничной возможностью влияния на молодую аудиторию, видевшую в них небожителей. Процветал культ девичьего преклонения перед любимым преподавателем, преподавательский фаворитизм, мажоризм в институтах — «упоеание силой власти, влияния, авторитета, чувство маскулинности и устремление к разной мере независимости от семейных уз». Можно было проникнуть путем мужского покровительства в научную среду, правда, далее надо было подчиняться ее законам: выполнять плановые задания, иметь публикации, представлять годовые отчеты, что у многих вызывало серьезные затруднения: «С этим феноменом я сталкивалась всюду — и в Нижнем Новгороде, и в Горно-Алтайске, но не в таком, как в Академгородке, масштабе» [Якимова, 2017].

Сожаление вызывала территориальная разобщенность с Новосибирском, отдалявшая от городских вузов, библиотек, театров, музеев: «В университете места мне не нашлось, оставался пединститут, туда однажды я и отправилась... На обратной дороге автобус наполнился до отказа, посадка происходила бурно, с толкотней и криками. Домой я вернулась усталая, раздраженная, расстроенная пятном на габардиновом плаще. И это ждет меня на протяжении многих лет?... Сколько времени при таком образе жизни уйдет в пустоту» [там же].

Слагаемые женской научной карьеры

Процесс укоренения сибирских «академин» в «мужском» мире науки подтверждает вывод Н. Л. Пушкаревой о том, что «успех в науке зависит не от пола, а от готовности преодолевать сопротивление, от способностей к выстраиванию определенной жизненной стратегии» [Пушкарева, 2011: 101].

«Вся атмосфера Академгородка 1960—70-х гг., — писала Л. П. Якимова, — дышала грозовой нацеленностью на успех... Престиж научной степени был велик и сам по себе, к тому же сопровождался всякого рода материальными привилегиями — в сфере квартирного обеспечения, продуктового снабжения, медицинского обслуживания, поездок за границу» [Якимова, 2017]. Р. Л. Берг хотя

и считала, что «ученые степени и, главное, порядок их присвоения — великий тормоз в развитии науки», но признавала, что без степени «семью не прокормить, без нее нет даже тех крох свободы творчества, которыми обладает кандидат» [Берг, 2003: 252]. Защита диссертации для Т. И. Заславской была «не просто шагом научной карьеры, но и единственным способом вырваться из нужды» [Заславская, 2007б: 430].

Для женщин существенно труднее было утвердиться в областях знания, где требовалось дорогостоящее экспериментальное оборудование, выход на соответствующие отрасли производства. Экспериментальная работа и экспедиции требовали сил и выносливости, подолгу отрывали от дома и детей. В воспоминаниях научного сотрудника Института теоретической и прикладной механики СО АН Г. А. Ковальской показаны будни создателей первой ударной аэродинамической трубы, в частности поездка в Москву за оборудованием, когда в связи с незапланированной тратой денег на выполнение задания они ехали обратно без билетов и спали по очереди: «Был дух азарта и молодого легкомыслия». Но когда у нее родилась дочь, пришлось перейти на теоретическую работу: «Экспериментальная работа, как известно, отнимает 100 % времени» [«И забыть...», 2007: 51].

Ученые дамы сполна познали трудный экспедиционный быт в Сибири, Средней Азии, на Дальнем Востоке. «Командировка предстоит в Забайкалье или Якутию, — писала М. И. Черемисина о связанных с этим хлопотах и беспокойстве. — Есть надежда, что поедет со мной лаборанткой знакомая женщина, опытная в подобных экспедиционных делах... Уже неделя осталась... Еще сколько надо разных дел сделать... С вещами собраться, постирать, зашить, сложить, рюкзак купить... А сколько еще по работе надо закончить» (Z2 556_192).

М. И. Черемисина, сочетавшая «редкое личностное обаяние и ярко выраженные лидерские качества» [Прияткина, 2004: 3], вошла в сибирскую науку с боем. До этого она пережила конфликт в семье и развод, не желая подчиниться «мужу-хозяину», ревниво относившемуся к ее научным занятиям [Черемисина, 2020: 379—406]. Она самостоятельно освоила новое направление — прикладную лингвистику, науку не совсем гуманитарную, еще не женскую и недавно запрещенную, преодолела сопротивление главного поборника математизации наук А. А. Ляпунова, который был «принципиальным противником набора каких бы то ни было филологов» (Z1 553_193), так как к гуманитариям (за исключением археологов) в ННЦ сначала относились с некоторой опаской, ожидая от них минимум науки и максимум возможных идеологических неприятностей.

Т. И. Заславскую ее учитель, известный экономист В. Г. Венжер, в свое время наставлял: «Хочешь быть настоящим ученым — вырабатывай сильный характер». Он учил не отступать после первой неудачи, тщательно готовиться парировать критику. Этот важный урок она запомнила и заранее обдумывала свои позиции в трудных переговорах. «Сегодня состоялась Дирекция, — писала Т. И. Заславская, — где снова героиней выступала я». Не с первого раза, но она отстояла тематику работы своей группы: «Этому способствовало то, что я, с одной стороны, была очень зла, а с другой, совершенно спокойна» [Заславская, 2007б: 422, 501].

Благодаря именно женской изобретательности в НГУ реализовался план создания востребованной междисциплинарной специализации на стыке математики и биологии. А. А. Титлянова вспоминала, что, когда дело это у ректора С. Т. Беляева, А. А. Ляпунова и В. А. Ратнера безвыходно застопорилось из-за формальных несостыковок, она «пошла к себе в деканат, села, взяла голову в руки и глубоко задумалась»: «Недаром еще шеф в Миассово называл меня мастерицей варить кашу». Предложенный ею оригинальный план позволил утвердить специализацию биоинформатики в штатном режиме: «...невероятным образом этот корабль был проведен через все рифы и отмели!» [Титлянова, 2009].

Р. Л. Берг получала от начальства странные упреки в «дамском отношении к науке», несмотря на то, что работала подвижницей, была личностью решительной, энергичной, привыкшей побеждать любые обстоятельства и добиваться своего. Отлично знакомая с трагическим опытом разрушающего влияния идеологии на науку и долгого борения за генетику, она резко критиковала зависимость директора института от «маршалов и генералов идеологического фронта» [Берг, 2003: 237]. Сама же бесстрашно находилась в немногочисленных рядах тех, кого всегда «прорабатывали».

Все, кто работали с П. Я. Кочиной, человеком высокой культуры и нравственности, были знакомы и с такой чертой ее характера, как способность занимать и отстаивать твердую позицию по важным и принципиальным вопросам, когда это требовалось, высказывать возражения в самой категоричной форме [Пелагея Яковлевна... , 2013: 43].

Л. П. Якимова после избрания председателем месткома испытывала ощущение «холода и неюта: хрупкая женщина, без признаков официоза в одежде, приверженная домашним ценностям (“с мужем под каблуком”!) оказалась одна среди демонстрирующих силу и уверенность, широко шагающих и громко говорящих мужчин, наделенных высокими полномочиями...» Однако «быть подголоском в их дружном хоре не собиралась и доказала это в скором времени» [Якимова, 2017].

Прорывались в высшие научные и административные сферы единицы представительниц женского пола, очевидно, такая квота была и необходимой, и достаточной. После совместного заседания Президиума АН СССР и Президиума СО по охране Байкала состоялся банкет, где присутствовал весь ученый совет Сибирского отделения. Пригласили и Р. Л. Берг, которая еще до этого имела случай заступиться за озеро Байкал. Но присутствовала она на банкете, как ей показалось, не в качестве члена ученого совета и не в качестве лимнолога, а как дама: «Дамы нужны для парада» [Берг, 2003: 286].

Через несколько лет после защиты докторской Т. И. Заславская узнала, что ее продвигают «наверх» — в областной Совет депутатов трудящихся: «Вот и говори после этого, что человек сам определяет свою судьбу!.. Если я что-то и делала в своей жизни, то потому, что увлекалась наукой. Доувлекалась до определенного уровня, приобрела “образцово-показательную” биографию (женщина и т. д.) и теперь уже рассматриваюсь в качестве владельца именно этой биографии... Меня не спрашивают» (Z1 553_143). Но дойдя до верха, можно было извлечь пользу из женского гендера. После одного важного приема в ЦК КПСС Т. И. Заславская, и без того чувствовавшая себя достаточно уверенно, отметила,

что «положение единственной женщины в окружении мужчин придало ей дополнительную смелость» для того, чтобы высказаться по делу достаточно критически [Заславская, 2007б: 521].

В руководителях-мужчинах женщины ценили уважительность и благожелательность. Т. И. Заславской нравилось, что А. Г. Аганбегян был просто одним из коллег и обычным человеком, как все: «Никакой позы, никакого налета величия у него не было и в помине. Многие сотрудники были с ним на “ты”, общались и спорили на равных» [там же: 481]. М. И. Черемисина известную долю своих научных успехов относила на счет «непривычно приятного “начальника” — зав. кафедрой К. А. Тимофеева — такого милого, мягкого, глубоко интеллигентного», при котором коллектив, почти исключительно женский, был живым, полным творческой научной жизни: «...нам всегда хотелось работать, обсуждать, получать замечания, дорабатывать, улучшать результаты» [Черемисина, 2020: 415, 436]. Ведь «любая поддержка, простые добрые слова, похвала вызывали прилив радости и энергии» [Заславская, 2007б: 746].

О. Н. Марчук, проработавшая 14 лет в НГУ, характеризовала академика И. Н. Векуа как «мудрого ректора», который «требовал хорошей работы, но не вмешивался в мелочи» и «разговаривал со всеми тихим хрипловатым голосом, взвешивая каждое слово» [Марчук, 1997: 96]. Для вспыльчивых руководителей А. А. Титлянова с юмором разработала (и это было опробовано на академике В. В. Воеводском и члене-корреспонденте Р. И. Солоухине) список сигналов к действию, с помощью которых удавалось держать начальство в рамках, т. е. «в состоянии легкого подавления»: «5. Если начальство начинает орать — с самого начала, не давая ему взять разгон (твердо): “А Вы на меня не кричите...” 6. Если уж скандала не избежать, все равно начался (на полтона выше, чем начальство): “Вы можете не считаться с моим мнением, но выслушивать Вы его будете!” (Важно произнести так, чтобы у начальства возникло чувство безысходности)» [Титлянова, 2009].

В свою очередь, к студентам Р. Л. Берг относилась с установкой на то, что «никто не имеет права учить, судить и лечить». По этой причине она «люто ненавидела принимать экзамены, вершить судьбы людей, подписывать смертные приговоры»: «Экзамены за меня принимали мои сотрудники. Они не свирепствовали» [Берг, 2003: 276]. А. А. Титлянова горячо боролась против «откровенного антисемитизма» в деле изгнания из НГУ одного из профессоров, чем навлекла на себя проверки и воспитательные беседы со стороны ректората [Титлянова, 2009].

В эго-документах воспоминания об «оттепельном» десятилетии жизни в Академгородке звучат мажорным ладом, несмотря на то, что это были годы крайне напряженной академической и домашней работы (М. И. Черемисина, Р. Л. Берг, А. А. Титлянова воспитывали детей без мужа). «Сибирским Ренессансом» метко назвала это время Л. П. Якимова [Якимова, 2017]. В новосибирском Академгородке — своеобразном «острове свободы» — «оттепель» задержалась в восприятии современников почти до конца 1960-х гг. «Приобщение к таинствам свободы» [Берг, 2003: 264] («письмо 46», фестиваль авторской песни) и последующие репрессии привели в 1968 г. к перелому в общественной жизни Академгородка.

Среди 46 сотрудников, которые в начале 1968 г. подписали письмо с протестом против нарушения гласности в ходе судебного процесса над четырьмя московскими диссидентами, были Р. Л. Берг и М. И. Черемисина. По итогам массивной проработочной кампании Р. Л. Берг лишилась надежды опубликовать рукопись, ее «вышвырнули» из делегации для участия в XII Генетическом конгрессе в Японии. Приверженец гонимой науки, она бесстрашно вставала на защиту В. Н. Тимофеева-Ресовского, А. А. Галича и многих других, всегда была на подозрении у властей, негодна начальству и после «письма 46» была практически «выдавлена» из Новосибирска по месту прописки в Ленинград, в 1974 г. эмигрировала в США. Многие «подписанты» уехали из Академгородка. М. И. Черемисина осталась: «Просто полгода мне в НГУ не платили зарплату, хотя работать не запрещали... Задержался выход книги и защита докторской» [Черемисина, 2004: 11].

Партийные окрики усугубляли тяготы нелегкого труда ученых, приводили к общей духовной неудовлетворенности. В СССР наступал очередной «ледниковый период». Ощущения, зафиксированные в мемуарах и письмах последующих лет, звучат диссонансом воодушевлению 1960-х гг.

Заключение

Первые сибирские «академины», как исключительные личности, успешно реализовали себя в науке. П. Я. Кочина в 1958 г. была целенаправленно проведена по Сибирскому отделению в члены АН СССР, где до этого были только две женщины (Л. С. Штерн и А. М. Панкратова), в 1970 г. вернулась в Москву, закончив сибирский период работы книгой «Математические методы в вопросах орошения». Т. И. Заславская стала доктором (1965 г.), академиком (1981 г.), основателем влиятельной новосибирской экономико-социологической школы, по возвращении в Москву — директором ВЦИОМ; М. И. Черемисина — доктором, профессором, основателем новосибирской синтаксической школы, одним из лидеров лингвистического сибиреведения; А. А. Титлянова — доктором, профессором, заведующей лабораторией Института почвоведения и агрохимии СО РАН; Л. П. Якимова — доктором, профессором, главным научным сотрудником Института филологии СО РАН; Н. А. Притвиц — кандидатом технических наук, сотрудником аппарата Президиума СО РАН, известным популяризатором науки.

В отдельности их судеб и научных карьер просопографически фиксируются общие черты. Прежде всего это страстная увлеченность наукой, огромное трудолюбие, научное лидерство. Репрезентируя советскую модернизационную формулу (отождествление себя с коллективом, решение проблем с опорой на насилие внутреннее или внешнее, направленное на другого человека или на себя) [Туркина, 2020: 109], первые «академины» сугубой самоотдачей и перегруженностью научно-организационной работой нивелировали различие между нормой и аномалиями, что рутинизировало репрессивную сущность советского социального порядка, воспринимавшуюся в качестве адаптивной привычки.

В то же время холистический коллективизм коррелировал с импульсами внутреннего индивидуализма, присущего свободомыслящим интеллектуалам. Под влиянием романтического сциентизма женщины-ученые с очевидностью инвестировали в не подвергающийся инфляции капитал — классический научный этос

мертоновского типа, являющийся охранным механизмом для фундаментальных исследований (делать в науке то, что полезно для ее развития). В этом смысле эго-документы отразили болезненную реакцию женщин на практику лжи, плагиата, двоемыслия, ксенофобии, формализма, коррупции в академической среде, что позволяет увидеть скрытую под маской «академической благопристойности» реальную картину повседневности, которая была противоречива даже в лучшие времена Академгородка. В поле социального взаимодействия они противопоставили массовизации сознания по советскому образцу неконформизм и чувство гражданской ответственности, манифестируя современные ценности.

В условиях, когда участие женщин в науке специально не ограничивалось, в конечном итоге определяющим научную карьеру оставался фактор *личности* — таланта, целеустремленности, трудолюбия. При этом профессиональное утверждение женщин в «мужском» мире науки происходило по линии усвоения маскулинных ролевых моделей. Признание женщин равными со стороны власти/начальства опиралось на фундамент их реальных достижений (степени, звания, должности), которые, как свидетельствуют эго-документы, стоили колоссальных жизненных усилий. В этом случае владелицы «правильных» биографий восполняли негласную квоту женского представительства в пространстве официального или парадного протокола. Добившиеся статуса ученые дамы в окружении коллег-мужчин в расчете на гендерный этикет с успехом обращали фемининность себе на пользу.

Неудивительно, что круг первых сибирских «академин» был узок, как и в настоящее время: в полном списочном составе СО АН СССР / РАН из 273 академиков всего 10 женщин, из 263 членов-корреспондентов — всего 18 женщин [Российская академия наук, 2022]. Тем не менее известное сглаживание гендерной асимметрии в поле науки являлось зримым антропологическим и социальным последствием модернизационного проекта создания Сибирского отделения Академии наук. Особая коммунальность и креативность первокультуры Академгородка способствовали реализации женщинами своего интеллектуального потенциала в наиболее благоприятной в тот период обстановке бытового благоустройства и продуктивного междисциплинарного общения. В свою очередь, научно-организационная и педагогическая деятельность женщин инкрустировала процесс социального воспроизводства научной элиты в ННЦ и за его пределами яркими эмотивными, жизнеутверждающими тонами.

Список источников

- Антропология академической жизни: традиции и инновации / отв. ред. Г. А. Комарова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2013. 376 с.
- Берг Р. Л. Суховой: воспоминания генетика. М.: Памятники ист. мысли, 2003. 527 с.
- Водичев Е. Г. Траектории экономических реформ: наука и научная политика в годы «хрущевского десятилетия» // Уральский исторический вестник. 2021. № 4. С. 135—144.
- Водичев Е. Г. Экономическое неравенство и советский эгалитаризм: идеи и идеалы от Сталина до Хрущёва // Уральский исторический вестник. 2022. № 1. С. 63—71.

- Гордиенко А. А.* Новосибирский Академгородок — реликт «утраченного мира», или «Силиконовая тайга». Новосибирск: Ин-т философии и права СО РАН, 2014. 386 с.
- Горелова Л. М.* Майя Ивановна Черемисина // Предложение как единица языка и речи. Новосибирск: Академиздат, 2019. С. 11—20.
- ГУМФАКиЯ 60—70-х годов XX века: воспоминания наших учителей и выпускников / сост. С. А. Красильников, И. С. Кузнецов, Г. Г. Пиков. Новосибирск: Манускрипт, 2022. 427 с.
- Запорожченко Г. М., Шелегина О. Н.* «Сибирские академины»: женщины-ученые, вошедшие в историю Сибирского отделения Российской академии наук // Исторический курьер. 2019. № 3. URL: <http://istkurier.ru/data2019/ISTKURIER-2019-3-19.pdf> (дата обращения: 25.03.2023).
- Заславская Т. И.* Избранное. М.: Экономика, 2007а. Т. 1: Социальная экономика и экономическая социология. 735 с.
- Заславская Т. И.* Избранное. М.: Экономика, 2007б. Т. 3: Моя жизнь: воспоминания и размышления. 764 с.
- «И забыть по-прежнему нельзя...» Новосибирск: Ин-т экономики и организации пром. производства СО РАН, 2007. 336 с.
- Кочина П. Я.* Воспоминания. М.: Наука, 1974. 299 с.
- Кузнецов И. С.* Современная историография новосибирского Академгородка // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 1: История. С. 130—140.
- Марчук О. Н.* Сибирский феномен: Академгородок в первые 20 лет. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. 236 с.
- Пелагея Яковлевна Полубаринова-Кочина / отв. ред. чл.-кор. РАН В. В. Пухначев. Новосибирск: Гео, 2013. 259 с.
- Прияткина А. Ф.* Черемисинское братство // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 4. С. 3—5.
- Пушкарева Н. Л.* Женщины в советской науке, 1917—1980-е гг. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 92—102.
- Пушкарева Н., Жидченко А.* Сибирский эксперимент в истории советского академического сообщества: бытовой и гендерный аспекты // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 2. С. 593—611.
- Российская академия наук. Сибирское отделение: персональный состав: в 2 т. / сост. Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, Н. А. Куперштох и др.; отв. ред. В. Н. Пармон. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: СО РАН, 2022. Т. 1: Действительные члены. 568 с.; Т. 2: Члены-корреспонденты. 540 с.
- Согомонов А. Ю.* Этика догоняющей модернизации // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 269—276.
- Титлянова А. А.* Рассыпанные страницы: в 3 ч. М.: Фолиум, 2009. Ч. 2: Страницы из сиреневой тетради. URL: <https://www.modernproblems.org.ru/memo/211-titlanova2.html> (дата обращения: 25.03.2023).
- Туркина В. Г.* Некоторые аспекты исследования советской повседневной истории // Наука. Искусство. Культура. 2020. Вып. 2. С. 107—112.
- Цейтлин С. Н.* Похвальное слово Майе Ивановне Черемисиной // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 1. С. 3—4.
- Черемисина М. И.* Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.
- Черемисина М. И.* Мои воспоминания / ред.-сост. А. А. Озонова, Е. В. Шиплюк. Новосибирск: СО РАН, 2020. 439 с.

- Шутова О. М. Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX — начале XXI века. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2007. 191 с.
- Якимова Л. Новосибирск. Академгородок // Сибирские огни. 2017. № 6. URL: <https://www.sibogni.ru/content/memuary-uchenoy-damy-1> (дата обращения: 25.03.2023).

References

- Berg, R. L. (2003) *Sukhoveĭ: Vospominaniia genetika* [Sukhoveĭ: Memoirs of a geneticist], Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli.
- Cheremisina, M. I. (2004) *Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii iazykov raznykh system* [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems], Novosibirsk: Nauka.
- Cheremisina, M. I. (2020) *Moi vospominaniia* [My memoirs], Novosibirsk: Sibirskoe otdelenie Rossiiskoi akademii nauk.
- Gordienko, A. A. (2014) *Novosibirskii Akademgorodok — relikht “utrachennogo mira”, ili “Silikonovaia taĭga”* [Novosibirsk Akademgorodok is a relic of the “lost world”, or “Silicon Taiga”], Novosibirsk: Institut filosofii i prava Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk.
- Gorelova, L. M. (2019) Maĭia Ivanovna Cheremisina, in: *Predlozhenie kak edinitza iazyka i rechi*, Novosibirsk: Akademizdat, pp. 11—20.
- GUMFAKiYa 60—70-kh godov XX veka: Vospominaniia nashikh uchitelei i vypusknikov* (2022) [GUMFAKiYa 60—70s of the XX century: Memoirs of our teachers and graduates], Novosibirsk: Manuscript.
- Iakimova, L. (2017) Novosibirsk. Akademgorodok, *Sibirskie ognii*, no. 6, available from <https://www.sibogni.ru/content/memuary-uchenoy-damy-1> (accessed 25.03.2023).
- “*I zabyt’ po-prezhnemu nel’zia...*” (2007) [“And it is still impossible to forget...”], Novosibirsk: Institut ekonomiki i organizatsii promyshlennogo proizvodstva Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk.
- Kochina, P. Ia. (1974) *Vospominaniia* [Memoirs], Moscow: Nauka.
- Komarova, G. A. (ed.) (2013) *Antropologiya akademicheskoi zhizni: traditsii i innovatsii* [Anthropology of academic life: traditions and innovations], Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Kuznetsov, I. S. (2014) *Sovremennaiia istoriografiia novosibirskogo Akademgorodka* [Modern historiography of Novosibirsk Akademgorodok], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istoriia, filologiya, vol. 13, iss. 1: History, pp. 130—140.
- Marchuk, O. N. (1997) *Sibirskii fenomen: Akademgorodok v pervye 20 let* [Siberian phenomenon: Akademgorodok in the first 20 years], Novosibirsk: Sibirskii khronograf.
- Parmon, V. N. (ed.) (2022) *Rossiiskaia akademiia nauk. Sibirskoe otdelenie: Personal’nyi sostav*: in 2 vols [Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: Personal composition], 2nd ed., vol. 1: Deistvitel’nye chleny, vol. 2: Chleny-korrespondenty, Novosibirsk: Sibirskoe otdelenie Rossiiskoi akademii nauk.
- Priiatkina, A. F. (2004) *Cheremisinskoe bratstvo* [Cheremisinskoe brotherhood], *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 4, pp. 3—5.
- Pukhnachev, V. V. (ed.) (2013) *Pelageia Iakovlevna Polubarinova-Kochina*, Novosibirsk: Geo.
- Pushkareva, N. L. (2011) *Zhenshchiny v sovetskoĭ nauke, 1917—1980-e gg.* [Women in Soviet science, 1917—1980s], *Voprosy istorii*, no. 11, pp. 92—102.
- Pushkareva, N., Zhidchenko, A. (2022) *Sibirskii eksperiment v istorii sovetskogo akademicheskogo soobshchestva: bytovoi i gendernyi aspekty* [The Siberian experiment

- in the history of the Soviet academic community: everyday and gender aspects], *Quaestio Rossica*, vol. 10, no. 2, pp. 593—611.
- Sogomonov, A. Iu. (2010) Ètika dogoniaiushchei modernizatsii [Ethics of catch-up modernization], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 6, pp. 269—276.
- Shutova, O. M. (2007) *Istoriografiia i postmodern: vopros ob identichnosti vo vtoroi polovine XX — nachale XXI veka* [Historiography and Postmodernity: the question of identity in the second half of the 20th and early 21st century], Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet.
- Titlianova, A. A. (2009) *Rassypannye stranitsy*: in 3 pt. [Scattered pages], pt. 2: Stranitsy iz sirenevoi tetradi, Moscow: Folium, available from <https://www.modernproblems.org.ru/memo/211-titlanova2.html> (accessed 25.03.2023).
- Turkina, V. G. (2020) Nekotorye aspekty issledovaniia sovetskoï povsednevnoï istorii [Several aspects of Soviet everyday life analysis], *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, iss. 2, pp. 107—112.
- Tseitlin, S. N. (2004) Pokhval'noe slovo Maie Ivanovne Cheremisinoi [Praiseworthy word to Maya Ivanovna Cheremisina], *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 1, pp. 3—4.
- Vodichev, E. G. (2021) Traektorii èkonomicheskikh reform: nauka i nauchnaia politika v gody "khrushchëvskogo desiatiletiia" [In the trajectory of economic reforms: science and science policy in the years of the "Khrushchev's decade"], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 4, pp. 135—144.
- Vodichev, E. G. (2022) Èkonomicheskoe neravenstvo i sovetskii egalitarizm: idei i idealy ot Stalina do Khrushchëva [Economic inequality and Soviet egalitarianism: the ideas and ideals from Stalin to Khrushchev], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 1, pp. 63—71.
- Zaporozhchenko, G. M., Shelegina, O. N. (2019) "Sibirskie akademiny": zhenshchiny-uchënye, voshedshie v istoriiu Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk ["Siberian academinas": women-scientists, who went down in the history of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences], *Istoricheskii kur'er*, no. 3, available from <http://istkurier.ru/data2019/ISTKURIER-2019-3-19.pdf> (accessed 25.03.2023).
- Zaslavskaiia, T. I. (2007a) *Izbrannoe* [Favorites], vol. 1: Sotsial'naia èkonomika i èkonomicheskaiia sotsiologiia, Moscow: Èkonomika.
- Zaslavskaiia, T. I. (2007b) *Izbrannoe* [Favorites], vol. 3: Moia zhizn': Vospominaniia i razmyshleniia, Moscow: Èkonomika.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 06.02.2023; принята к публикации 20.02.2023.

The article was submitted 23.01.2023; approved after reviewing 06.02.2023; accepted for publication 20.02.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Запорожченко Галина Михайловна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия, galinakoop@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation).